

Константин Кривчиков

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

ХРОНИКИ АДА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К82

Серия «Пикник на обочине»

Художник обложки *Наталья Гуркова*

Кривчиков, Константин Юрьевич
К82 Хроники ада / Константин Кривчиков — Москва: Издательство АСТ, 2015.— 412, [3] с.— (Пикник на обочине).

ISBN 978-5-17-091433-3

Никто не хочет умирать.

Но как жить, если все твои близкие погибли и воспоминания о них преследуют тебя, словно призраки ада?

С момента последнего Сдвига Зоны Николай Варнаков, бывший спецназовец военной полиции UFOR, известный среди сталкеров Искитима как Варнак, считал свою девушку погибшей.

Но тогда ей удалось выжить. Варнак расценивает это как знак судьбы. Однако их неожиданная встреча оборачивается многочисленными загадками, скрывающими чудовищную тайну. Пытаясь раскрыть ее, герой вступает в смертельную схватку с коварными и жестокими врагами — сотрудниками спецслужб, продажными полицейскими, террористами и бандитами.

А по пятам за ним следует ад. Ад по имени Зона.

Подписано в печать 05.05.15.

Формат 84 x 108 1/32. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Константин Кривчиков, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Кто смотрит на мир, как смотрят на пузырь,
как смотрят на мираж, того не видит царь смерти.

Так говорил Будда

Пролог

Рождение легенды

Май 2015 г.

Новосибирск, Академгородок

Из лекции доктора технических наук Р. С. Нагаева перед студентами НГУ (стенограмма оперативной записи)

...Таким образом, аргументы сторонников «теории скачка», как я убедительно доказал, выглядят слабо обоснованными, если не сказать резче — притянутыми за уши. А все их попытки запугать нас грядущим апокалипсисом становятся уже попросту смехотворными.

Теория академика Абарцумова о постепенном затухании Зоны, сторонником которой является ваш покорный слуга, в отличие от псевдонаучных рассуждений о «скачке», базируется на фундаментальных положениях науки. Что, в частности, блестяще доказывает метод математической экстраполяции. (Шум в зале.) Я знаю, знаю, дорогие, что среди вас много гуманитариев, поэтому не буду мучить вас километровыми формулами. (Смех в зале.) Всё очень просто.

Судите сами. Событие, приведшее к образованию на территории Земли шести так называемых Зон Посещения, датируется 17 июля 1972 года. Вторичный цикл усиления активности Зон привел к расширению аномальных территорий в результате Сдвига, произошедшего 18 августа

1991 года. Расширение, замечу, с практической точки зрения, было минимальным, в среднем около ста метров от линии Периметра. О чем это свидетельствует?

О том, что активность Зон будет и дальше затухать. Да, некие процессы там еще происходят. Но что это за процессы? Академик Абарцумов остроумно окрестил их конвульсиями. (Смех в зале.) Апологеты «теории расширения» уже однажды громко сели в лужу (Смех в зале.), когда начали предрекать новое расширение Зон осенью 2009 года. Вы помните, что тогда творилось? Мир едва не сошел с ума. В некоторых регионах началась настоящая паника. Да и у нас в Новосибирской области (Покашливает.), кха-кха, было беспокойно. В моем родном Искитиме резко упали цены на недвижимость, началась распродажа жилья. Знаете, что я тогда сделал? Я купил участок с домом! (Смех в зале.) Вы смеетесь, а у меня сбылась мечта всей жизни. (Сильный смех в зале.)

Дорогие мои! Конечно же, Зона трудно предсказуема. И от нее еще можно ожидать отдельных вспышек активности. Но никаких концов света не произойдет. Ни в ближайшие годы, ни в отдаленном будущем. Не смотрите вы эти телепрограммы с их дурацкими ток-шоу, не читайте желтую прессу. Доверяйте ученым, а не шарлатанам от науки.

Изучайте науку! Верьте науке! Спасибо за внимание! (Бурные аплодисменты в зале.)

16 июня 2015 г.

Новосибирская область, окрестности Лебедевки

ОНО не видело, но слышало и ощущало. И постепенно начинало понимать.

Сначала был звук, резкий и пронзительный. Затем укол обжигающего холода. Еще через мгновение ОНО почувствовало запах — сухой и горчащий. Так пахли *трава* и *воздух*.

Визгливо кричал *младенец*. Оно еще не знало, *что такое младенец*, но поняло — это *кричит младенец*.

— Ну вот, вот,— *сказал взволнованный женский голос*.— Всё у нас в порядке.

— Я зачерпну в речке воды,— *сказал мужчина*.

— Кто... кто это? — *прошептал* другой женский голос, слабый и прерывистый.

Оно качнулось на тонкой ножке и потянулось вверх, вслед за серебристым сиянием невидимой Луны.

*Ранняя осень 2015 г.
Новосибирская Зона Посещения*

Замерев, Фролов с напряжением всматривался вперед. Не нравился ему этот валун, ох, не нравился! Чужало сердце, не надо было соваться в горловину между «плешью» и «порченкой». Узкий проход, да еще в низинке, всегда сулит геморрой — про то каждый сталкер знает. И не сунулся бы, если бы не Карп с его жлобством. Забубнил: «Как из Зоны с пустыми руками возвращаться? Прихватим „пустышку“, тут делов-то...» Вот и послушался его, козла старого...

Сегодня Степан Фролов в первый раз взял в Зону сына и не хотел рисковать. Не стоило бы вообще вести сюда шестнадцатилетнего пацана,— но разве его, выросшего, считай, под боком у Зоны, остановишь? Так что, пусть лучше у отца навыки перенимает, чем лезет за периметр с такими же молокососами. Им чего? Лишь бы перед девчонками повыпендриваться. А то, что Зона не учит, а сразу исполняет приговор, мозгами куцыми ухватить не могут. Еще хуже, если попадет на крючок какому-нибудь отмороженному сталкеру и будет использован как «отмычка». А отморозков и всяких сомнительных искателей приключений в Искитиме и окрестностях развелось после Скачка, как блох на шелудивой собаке.

В том же, что Леха все равно сунется в Зону, Фролов не сомневался. Характером сын пошел в него, а в народе недаром по-черному шутят, что сталкерство — это наследственное заболевание, передающееся половым путем. Вот и передал на свою голову...

Фролов в сердцах сплюнул, но не вперед, а вбок. Кто его знает, вдруг у камня аномалия притаилась? Зачем ее лишний раз злить?

— Ты чего, Степан? — спросил Карп, замыкавший шествие. — Чуешь чего?

— Не пойму. — Фролов повел глазами и снова уставился на валун. — Какой-то он... инородный, что ли. И слишком гладкий. Зря мы сюда полезли.

Карп, долговязый мужик с вислым носом, промолчал. Идея пошарить около заброшенных коровников принадлежала ему. Изначально планировали просто: дойти вдоль железной дороги до берега Петушихи, там устроить привал, а потом, минуя Лебедевку с ее непредсказуемой «русской рулеткой», не спеша вернуться в Искитим. Окрестности знакомы до последнего бугорка, маршрут уже проверенный и относительно безопасный — по понятиям Зоны, разумеется, безопасный. А что еще нужно для первой ходки, чтобы дать пацану почувствовать «романтику» собственной задницей?

И наколочка одна имелась у Фролова — на «перламутр». Вещь, можно сказать, пустяковая, но с «перчиком» и ходовая у богемы и прочей творческой интеллигенции: из Москвы и Питера заказов накопилось на год вперед. Прилепишь ее к шее и ловишь глюки, будто сам в Зоне находишься. Правда, потом шею сильно ломит, а у особо слабонервных, бывает, что и желудочные колики начинаются, зато впечатлений «полные штаны»: вроде как фантастический фильм в 3D посмотреть, только на порядок круче. Барыги платили за «перламутр» щедро. Степан, не хотевший с сыном за периметр соваться без напарника, предложил Карпу разделить доход пополам, тот согласился.

Но накладка сорвалась. Увел уже кто-то «перламутр», а может, и сам куда девался — Зона, она такая, гарантий не дает: это тебе не ломбард. Карп расстроился — получилось, что порожняк сгоняли, а он такого очень не любил. Тогда и вспомнил о «пустышке» возле старой животноводческой фермы у Лебедевки — давно на нее глаз положил, да руки все не доходили. И тяжелая она, стерва, даром что «пустышкой» кличут. А тут втроем, донесут с притопом и прихлопом.

На привале у Петушихи Карп сообщил о «пустышке» Фролову. Степан сначала посомневался, но потом согласился. Время еще раннее, до бывшего остановочного павильона около километра, а от него до коровника меньше ста метров. Да и маршрут опять же известный и простой: сначала вдоль «железки», потом через низинку и на холм. Если обойтись без фокусов, то за час-полтора можно управиться. Однако не обошлось.

Заморочки начались, едва свернули от павильона к ферме. Сначала прямо по курсу засветилась здоровущая «комариная плешь». Степан ее обметил гайками, и, когда проявился контур, решили обогнуть гравитационную аномалию слева. Продвинулись метров на пятнадцать и вдруг заметили левее по ходу «колючку» — пожухшую черную траву, обозначающую границу «порченной земли». Ступать туда было нельзя: неважно, оказывался человек на «порченке» на пару часов или забредал нечаянно на минуту — мучительная смерть в течение нескольких недель ему была гарантирована. И получалось, что топать до коровника предстояло между «порченной землей» и «комариком» в коридоре шириной шесть-семь метров.

Вот тут Фролов занервничал, да и Карп начал сомневаться: раньше у фермы «порченки» никто не встречал. Но коровник стоял перед глазами как на ладони, Карп уже отчетливо видел на взгорке старую березу, сразу за которой он однажды припрятал «пустышку». И «чуйка» ничего не предвещала, а бывалый сталкер ей доверял куда

больше, чем жене Клаве. К тому же запахло казалось порожняком возвращаться — он ведь не погулять вышел, семью надо кормить.

— Прoberемся, — сказал Карп Фролову. — Тут пустячок всего. А если очко жмет, давай в хвост, я первым двину.

Степан, светловолосый крепыш с выцветшими бровями, покосился на сына — тот смотрел с напряженным ожиданием, — сплюнул и молча шагнул вперед. Однако метров через двадцать снова остановился, у валуна. Не понравился ему этот каменюка, ох, не понравился.

— В чем дело-то? — спросил Карп. И неуверенно добавил: — Обычный вроде камень. Ну гладкий, ну чистенький. Так, может, дождь вчера был?

— Земля сухая, — отозвался Фролов. — Мандражит меня чего-то.

— Так мандраж всегда есть. Без него нельзя, тут же вляпаешься. И «колючка» слева под боком. Вот очко у тебя и играет. Но... — Карп помолчал. — Знаешь, если и вправду чуюшь чего...

— Батя, а это... это что? — испуганно произнес Леха. Он смотрел в сторону «железки» и показывал пальцем. Головы обоих мужчин синхронно повернулись назад. Пауза длилась пару секунд.

— «Зеленка», ять! — выдохнул Карп. — Откуда, ять, она взялась, падла?!

От полотна железной дороги на них надвигалась клинообразная волна мутно-зеленого цвета. Трава перед ней прогнулась в направлении сталкеров, как под сильным, дующим непрерывно ветром. Времени на раздумье и перебор вариантов не оставалось.

— За мной! — крикнул Фролов. — Давай на пригорок! И рванул первым.

Боковым зрением он фиксировал слева от себя границу «порченной земли»; прямо по ходу лежал огромный продолговатый валун, слегка налезая боком на «порченку»;

«плешь» же, как помнилось, таилась в двух-трех метрах правее валуна. В спешке Степан решил перепрыгнуть через камень, не огибая его, — и смертельно просчитался. В момент прыжка дикая и непреодолимая сила резко подбросила тело сталкера перпендикулярно вверх. Затем скрутила, будто половую тряпку, и начала перемалывать невидимыми жерновами — лишь кровавые брызги полетели.

Едва Фролов пронзительно и жутко завопил, как Карп схватил Леху за плечо и, падая, увлек пацана за собой. Их спасло лишь то, что перед этим они находились в пяти шагах позади Степана, и рванул тот с места раньше, а они чуток замешкались — Леха от растерянности, Карп из осторожности. Могли бы влететь в горловину аномалии следом за Степаном, и поминай как звали, а получилось — повезло.

Что-то влажное и липкое плюхнулось Карпу на голову. Тот машинально провел по волосам рукой, вскочил на ноги и только тут понял, что это раздавленный кусочек мяса. Рядом поднимался Леха. Отряхнув полу спортивной куртки, с удивлением посмотрел на окровавленную ладонь:

— Дядя Паша, а чего... — Он толком еще не понял, что случилось.

Карп кинул взгляд назад, счетчик в голове сработал ментально: до «зеленки» — около двадцати метров. Изумрудная всяядная тварь — влипнешь, переварит без остатка, как серная кислота, — накатывала медленно, словно не сомневаясь в том, что жертвы никуда не денутся. Карп посмотрел на валун. Находясь в шаге от аномалии, он разглядел то, чего не заметил издали: прозрачный воздух еле заметно колыбался, отбрасывая на гладкую поверхность камня розоватый отблеск.

— Бежим! — скомандовал Карп, хватая Леху за локоть. Но парень стоял как вкопанный, открыв рот.

— А б-батя... д-дядя П-паша... — С испуга он начал заикаться.

— Пошли, ять, говорю!

Добавив еще несколько непечатных слов, Карп вскочил на валун и выкрикнул:

— Видишь, все чисто?! Бегом, а то сдохнешь на хрен! — и выразительно ткнул пальцем.

Леха увидел плотоядно колыхавшуюся «зеленку», и его глаза округлились от ужаса. Карп, прорывчав что-то нечленораздельное, рванул парня за руку и поволок за собой.

Шагов пять-шесть Карп сделал по инерции, таща Леху и почти ничего не видя от сумасшедшего напряжения. Но затем замедлил скорость, а оглянувшись, и вовсе остановился. Что за хрень???

Картина вокруг резко изменилась. Валун лежал на месте, но за ним, вместо леденящей душу желеобразной массы «зеленки», расстилалась безобидная лужайка. Она тянулась и в ту сторону, где еще полминуты назад торчал покосившийся коровник. Однако теперь там, в отдалении, виднелись дома Лебедевки. По левую руку росло несколько деревьев, за ними в низинке змеилась среди кустов узкая лента Петушихи. Проморгавшись, Карп узнал это место по приметной старой лиственнице — оно находилось неподалеку от того места, где они пару часов назад устраивали привал, и примерно в километре от коровника, куда только что направлялись.

— Ну и хрень! — произнес Карп и смахнул со лба пот.

— Д-дядя П-паша.— Леха ошалело лупал глазами.— Эт-то что? Т-телеп-портация?

— А хрен его знает, Леха! Поживем — увидим.

— А б-батя? Он...

— Погиб твой батя, парень, царство ему небесное.— Карп насупился и подобрался, даже голову вскинул.— Такое наше сталкерское дело. Зато нас спас, можно сказать.— Заметив, как скривились губы Лешки, строго добавил: — Ты только того, не ной. Сам в Зону рвался, а она сопливых не любит... На, водички пивни.

Ночевать остались в «западне», как окрестил место на берегу Петушихи Карп. Идти в обратку мимо валуна он не рискнул — уж больно стремно после «мясорубки» и выкрутасов с перемещением в пространстве: хрен его знает, где очутишься, когда выберешься из «западни»? Возьмет да и занесет нелегкая куда-нибудь в Бердск, а то, еще хлеще, в Академгородок? Да и «зеленка» там, за камнем, поджидать может — она ж, падла, голодная осталась. Однако другого пути из западни попросту не оказалось.

Когда Карп огляделся и провел разведку, то обнаружил, что берег речки, на котором они очутились, окружает полукольцом «комариная плешь». А через территорию, занятую «плешью», даже муха не пролетит — гравитация вмиг сплющит и превратит в мокрое место. Значит, оставалось переться через речку вброд, но такой вариант Карпу совсем не улыбался — не дурачок же он и не самоубийца-мазохист. Любой сталкер знает, что вода в Зоне, даже естественная на вид, часто оборачивается гиблой ловушкой: если не ошпарит кипятком, так кислотой сожжет. А то, бывает, покроется вся кожа струпьями, и человек умирает в несколько дней от невыносимой чесотки. Вот и здесь, в Петушихе, вода больше смахивала на синий кисель — кто же в подобное дерьмо сунется?

И по всему получалось, что обратный путь лежал мимо валуна — лишь там «плешь» расступалась метров на пять-шесть, образуя проход. Но проход ли или очередную ловушку? Уже начинались сумерки, вот Карп и решил подождать до утра — глядишь, новый расклад нарисуетя, да и утро вечера мудренее...

Ночью Лешка проснулся от странного чувства холода — вроде и не мерз, но по телу бегали иголки — такие ледяные и острые, что аж обжигало. Он лежал около старой лиственницы на синтетическом покрывале, которое отец перед походом велел на всякий случай засунуть в

рюкзак — Зона непредсказуема, бывает, идешь на полдня, а застреваешь на неделю. Лешка поерзал, пытаюсь закутаться в тонкое покрывало, но тело так ломило, что сон окончательно улетучился. Лешка открыл глаза и сразу увидел синеватое мерцание.

Поднявшись, побрел по лужайке. Ночь выдалась хотя и ясной, но безлунной. Однако свечение усилилось, и Лешка понял, что оно исходит от высокого, похожего на цветок растения с круглой, как блин, головкой. Тело по-прежнему ломило, но страха не ощущалось — только завораживающее любопытство. Он приблизился к необычному цветку (тот доставал ему до пояса) почти вплотную и разглядел, что его плоская корзинка усеяна изнутри гранулами синего цвета. «Словно у подсолнуха семечки, — мелькнула мысль. — Только крупнее». Не отдавая себе отчета — происходящее походило на сон, — Леха выколупнул одно «семечко» и раздвинул ногтями тоненькую кожуру. Внутри лежало продолговатое ядрышко, излучавшее голубое сияние...

Леху растолкал Карп. Когда он с трудом разлепил глаза, Карп, через слово матерясь, выдал тираду:

— Ты чего, ять, разлегся, как на курорте? Я тебя, ять, полдня разбудить не могу! Ты глянь, ять, уже вечер скоро. — Увидев на лице парня виноватое выражение, смягчился: — Я, знаешь, даже испугался. Думаю, ять, не болезнь ли какая напала.

Леха потряс головой, прогоняя сон. И тут же, вспомнив ночное происшествие, вскочил и уставился на лужайку.

— Ты чего? — озабоченно спросил Карп.

— Странно. — Леха медленно прошелся по траве, озираясь по сторонам. — Странно, а где цветок?

— Какой еще цветок? — отозвался Карп, про себя отметив: «Глючит пацана после вчерашнего. А вот заикаться перестал».

Леха рассказал о ночном видении.

— Ну-ну,— с неопределенной интонацией протянул Карп.— Цветок, значит? Как подсолнух, значит? — Леха кивнул.— А потом? С семечком-то ты что сделал?

— С семечком?.. Так вроде съел я его.

— Съел?! — Карп побагровел.— Ты что, идиот??? В Зоне ничего есть нельзя! Тебя чего, отец не учил?.. Хотя чего это я? — Он хмыкнул.— Приснилось тебе, Леха, помешалось. Понял? В Зоне подобное частенько бывает. Потому здесь лучше не ночевать. Даже спать нежелательно. А то люди во сне такое вытворять начинают...

— Не, дядь Паша, это не сон был,— упрямо возразил Леха.— Я точно помню. Проснулся от холода. Смотрю — вот здесь растет. И свет такой от него — синий, яркий. И вверх идет, словно луч.

— Куда вверх? К Луне, что ли?

Леха задумался.

— Нет, Луны я не видел. Хотя небо ясное было, в звездах.

— Хм...— Карп почесал затылок.— Ну, если небо ясное, то и Луна... Погодь, а у нас не новолуние часом? Если так... хотя... Так ты хочешь сказать, что съел семечко и дрыхнуть завалился?

— Не-е.— Леха помотал головой.— Вернее, я не помню, что потом сделал. Но мне такие сны снились... Ох, я даже пересказать не могу. Такие сны!

— То-то ты в забытии своем лыбился, как придурочный,— сердито сказал Карп.— Похоже, все-таки наркоту ты глотнул. Но откуда она взялась здесь?.. Ты, часом, не того? Не балуешься втихомолку? Если приволок с собой какую-нибудь гадость, то так и скажи. Я тебе не отец, бить не буду.

— Да что вы, дядь Паша! Я и не пробовал ни разу.

— Ну-ну. А что же на тебя такой морок напал?

— Там не только морок был. Потом и ясные сны пошли.

— В смысле?

— Ну-у...— Лешка наморщил лоб.— Вот, помню, будто иду я по улице, а потом вижу «бенгальский огонек». За углом здания висит и искрится.

— Это где ж ты идешь?

— По улице. Там церковь еще, слева. А напротив здание. Трехэтажное, кажется. И вывеска. «Универмаг», что ли. Или «Универсам».

— «Универмаг»,— сказал Карп.— Знаю я это место возле церкви. Это в Бердске. Гнилое местечко, попадал я туда пару раз,— голос его стал серьезным.— А ты сам-то в Бердске бывал когда? Его же еще в семьдесят втором накрыло.

— Нет, не был.

— Хм... Значит, видел «огонек» за углом «Универмага»?

— Видел. Круглая такая штука, а вокруг искры летят. Батя говорил, что дорогая вещь, после Скачка появилась. Дядя Паша, а вдруг это не сон, а, как это, ясновидение?

— Ну-ну... Всяко случается, конечно. Только как проверить? В Бердск идти, это, парень...

— А я не только «огонек» видел. И не в Бердске, а совсем рядом.

— Это где же? — Карп сузил глаза.

— Помните, мы вчера через «железку» переходили у павильона?

— Ну.

— Там куст красной смородины рос. Ягоды крупноплодные такие, яркие. Батя еще сказал, что не вздумай, мол, есть. Мол, в Зоне, чем привлекательнее, тем опасней.

— Вот-вот. Батя тебя предупреждал, а ты всякую гадость в рот тащишь. Ну и?

— Так за кустом там «белая вертячка» лежит. Блестящая такая.

— Это ты, значит, в своем сне видел?

— Видел. И не только ее. «Перламутр» тоже видел, тот, который отец искал.

— Да ну?!

— Ага. Только он не там искал. Надо было до следующего домика дойти, и «перламутр» сразу за калиткой, у куста черемухи.

Карп задумался.

— Ну до павильона тут рядом. А «перламутр» в садоводстве можно на обратной дороге глянуть. Правда, отсюда еще выбраться надо и непонятно куда попадем...

— Дядь Паша, я спросить хотел. Вот вы вчера прямоком через валун побежали. Ну там, где батю...— Леха сглотнул слюну.— А почему вы решили, что проход безопасен?

— Там решать некогда было,— назидательно произнес Карп.— Это, брат, моя чуйка сработала, интуиция, если по-ученому. А без нее, брат, в Зоне кирдык. Так вот, Леха, когда я просек, что Степан в «мясорубку» влетел, сразу подумал, что теперь проход открылся. Да и выбора не оставалось. Все эти аномалии хреновы, «зеленка», «плеши» и прочие, характера не меняют — кроме «мясорубки». «Зеленка» тебя всегда заглотит, и «плешь», она и есть «плешь» — раздавит, как мошку. А вот «мясорубка» себя по-разному ведет.

— А как она меняется?

— Понимаешь, Леха, «мясорубка», как правило, какой-то ценный хабар прикрывает, типа Золотого шара. Жертва ей нужна, а уж зачем, хрен ее знает. Сожрет человека, а потом какое-то время отдыхает, как удав. Только надо быстрее мимо нее проходить, пока она «сыта». Вот я и смикитил вчера, что прорвемся. Правда, попали в результате непонятно куда, и хабара здесь нет.

— А цветок разве не хабар?

— Какой цветок? А-а... Твой цветок пока больше на глюк смахивает. Вот если хабар найдем в тех местах, как тебе привиделось...

Он достал из мятой пачки сигарету, пощелкал зажигалкой.